

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P79

Richard Roper
HOW NOT TO DIE ALONE

Copyright © 2019 by Richard Roper
This edition is published by arrangement with The Peters Fraser
and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

© Jacket illustration and design by Vi-An Nguyen

Перевод с английского *Сергея Самуйлова*

Роупер, Ричард.

P79 Как не умереть в одиночестве / Ричард Роупер ;
[перевод с английского С. Самуйлова]. — Москва :
Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-105844-9

Эндрю живет в небольшой квартире в Лондоне и работает в муниципалитете, в отделе регистрации смертей. Мало того что работа специфическая, Эндрю еще приходится изо дня в день поддерживать среди коллег миф о своей якобы успешной жизни. При приеме на работу он, не расслышав вопроса, ответил «да» вместо «нет», когда его спросили, женат ли он. С годами Эндрю создал целый вымышленный мир, где у него есть особняк, любимая жена и двое детей.

Ситуация осложняется, когда в отдел Эндрю приходит новая сотрудница Пегги.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Самуйлов С., перевод на русский
язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-105844-9

Маме и нине

Закон об общественном здравоохранении 1984 г., раздел 46

(1) Обязанность местных властей заключается в обеспечении захоронения или кремации любого человека, умершего или обнаруженного мертвым в подведомственном им районе, в каждом случае, когда, по мнению властей, никто иной не принимает надлежащих мер по должному распоряжению телом.

Глава 1

Эндрю посмотрел на гроб и попытался вспомнить, кто же в нем лежит. Наверняка мужчина. Вот только имя — какой ужас! — выпало из памяти. В какой-то момент показалось, что выбор сократился до одного из двух, Джон или Джейк, но тут свою кандидатуру для рассмотрения предложил Джеймс. Случилось неизбежное, то, что и должно было рано или поздно случиться. При том количестве похорон, бывать на которых ему приходилось, чего-то в этом роде следовало ждать, но Эндрю все равно ощутил укол острого недовольства собой.

Если бы вспомнить имя до того, как его произнесет vikarий, это уже кое-что. Программка похоронной службы отсутствовала, но можно ведь заглянуть в телефон. Означало бы это, что он жульничает? Наверно. Кроме того, такой маневр потребовал бы немалой ловкости даже в церкви, заполненной близкими усопшего, и был практически невозможен в ситуации, когда, кроме vikария и самого Эндрю, в помещении не было никого. Обычно присутствовал еще распорядитель похорон, но в этот раз он сказался больным.

Ко всему прочему, священник, стоявший в считанных футах от Эндрю, с самого начала службы почти не сводил с него глаз. Эндрю видел его впервые. Маль-

чишескому лицу сопутствовал звонкий голос, дрожь которого безжалостно усиливало церковное эхо. Были ли причиной тому нервы? Эндрю попытался ободрить викария добродушной улыбкой, но должного эффекта прием не возымел. Показать большой палец? Или в церкви такой жест неуместен? Нет, лучше не надо.

Эндрю снова посмотрел на гроб. Может, там какой-нибудь Джейк? Впрочем, на день смерти ему уже исполнилось семьдесят восемь, а семидесятилетние Джейки в реальной жизни встречаются не так-то часто. По крайней мере, пока таковые Эндрю не попадались. Вот бы посмотреть лет через пятьдесят, когда в домах престарелых будет полным-полно Джейков и Уэйнов, Тинкер-беллов и Эпплтайзеров с линиями трайбл-тату, украшающими их поясицы и переводимыми примерно так: *Дорожные работы еще пятьдесят ярдов.*

«Да будь же ты посерьезнее», — укорил себя Эндрю. Весь смысл пребывания здесь сводился к тому, чтобы почтительно засвидетельствовать убытие бедолаги в последнее путешествие, заменить отсутствующих друзей и родных. Достоинство — вот его девиз.

Увы, для Джонов, Джеймсов и Джейков запасов достоинства хватало не всегда. Согласно заключению службы коронера, смерть настигла его в туалете за чтением книги о канюках. Мало того, посмеявшись, судьба добавила еще и презрительный плевок: позже Эндрю обнаружил, что и книжка-то не очень хорошая. Да, пусть он не эксперт, но автору — который уже после прочтения нескольких абзацев предстал человеком раздражительным и ворчливым — вряд ли стоило посвящать целую страницу болтливой пустельге. Вместо того чтобы воспользоваться закладкой, покойный просто завернул

уголок этой самой страницы, так что, возможно, он придерживался такого же мнения. Стягивая с рук латексные перчатки, Эндрю сделал мысленную зарубку: при следующей встрече с пустельгой — или любым другим представителем семейства соколиных — помянуть ее недобрым словом, тем самым как бы отдав долг памяти покойному.

Не считая нескольких книг о птицах, в доме не было ничего, что могло бы дать ключик для понимания личности умершего. Ни пластинок, ни фильмов, ни картин на стенах, ни фотографий на подоконниках. Сбивало с толку и вызывало недоумение лишь необычайно большое количество пакетиков «Фрут-энд-фибр» в кухонных шкафчиках. В общем, представить, что за человек был Джон, Джеймс или Джейк — помимо того что он увлекался орнитологией и имел превосходную пищеварительную систему, — было невозможно.

К осмотру недвижимости Эндрю, как всегда, подошел с полной ответственностью. Тщательно обыскав дом — симпатичное бунгало в псевдотюдоровском стиле, дерзко вторгшееся на террасную улицу, — он так и не обнаружил ничего, что указывало бы на наличие у покойника семьи и родственников, с которыми можно было бы связаться. Ничем не помогли и соседи, проявившие полное безразличие как к факту существования человека, так и к факту прекращения его существования.

Викарий немного неуверенно заговорил о Христе, и опыт подсказал Эндрю, что служба подходит к завершению. Нужно было запомнить имя, в конце концов, это дело принципа. Он на самом деле старался, чтобы получилось как лучше, даже когда выяснилось, что никого больше нет, пытался образцово исполнить свою роль,

продемонстрировать уважительность и заботу, как будто все происходило в присутствии сотен убитых горем родственников. Эндрю снял часы перед входом в церковь, почувствовав вдруг, что последнее земное путешествие усопшего не должно сопровождаться равнодушным тиканьем секундной стрелки.

Викарий определенно вышел на финишную черту. Настал момент принятия решения. Джон. Точно Джон.

— И хотя Джону...

Да!

— ...пришлось нелегко в последние годы, и рядом с ним в час расставания с этим миром нет, как это ни прискорбно, родных и друзей, мы можем утешить себя тем, что Господь ждет его с раскрытыми объятьями, исполненный любви и доброты, и это путешествие станет последним, которое он предпримет в одиночестве.

Обычно Эндрю старался не задерживаться после похорон. В нескольких случаях, когда он все же оставался, дело заканчивалось неловким разговором с распорядителем или объявившимися в последнюю минуту зеваками. Удивительно, как много зевак можно привлечь, задержавшись у церкви и выдавливая из себя пустые банальности. Опыт позволял легко избегать такого рода встреч, но сегодня стоило лишь на секунду-другую отвлечься, замедлить шаг у церковной доски объявлений с подозрительно бодрым извещением о «Празднике летнего безумия!», как кто-то требовательно и нетерпеливо, словно дятел, постучал его по плечу. Это был викарий. Вблизи он выглядел даже моложе — по-детски наивные голубые глаза и длинные блондинистые волосы, разделенные прямым пробором, выглядевшим так, будто его сделала мама.

— Привет, вы ведь Эндрю, да? Из совета?

— Верно.

— Так что, родственников, получается, не нашли?

Эндрю покачал головой.

— Вот же досада. Жаль, жаль.

Викарий разволновался, и со стороны могло показаться, что он томим неким секретом, поделиться которым ему не терпится.

— Можно спросить?

— Да. — Эндрю срочно придумывал причину, не позволяющую посетить Праздник летнего безумия.

— Как вам все это?

— Э, вы про... службу? — уточнил Эндрю, снимая с пиджака вылезшую нитку.

— Да. Вернее, про мою часть. Признаться, это был мой первый опыт. Сказать по правде, я даже испытал облегчение от того, что никто не пришел. Получилось что-то вроде практического занятия. Надеюсь, теперь я уже полностью готов к настоящим похоронам, с толпой родных и близких, а не только с парнем из совета. Без обид, — добавил он, положив руку на локоть Эндрю. Эндрю едва не отшатнулся — он терпеть не мог, когда его трогали. Жаль, у него не было защитного механизма, такого как у кальмара, и он не мог в ответ выстрелить чернилами в глаза.

— Так что? — продолжал викарий. — Как, по-вашему, я справился?

«Что ты хочешь услышать? Ты не толкнул гроб. Не назвал покойника мистером Гитлером. Так что я бы дал десять из десяти».

— Вы хорошо справились.

— Вот и отлично. Спасибо, приятель. — Викарий внимательно посмотрел на него. — Для меня это действительно важно.

Он протянул руку. Эндрю пожал ее и попытался высвободиться, но викарий не отпускал, а рукопожатие у него было крепкое.

— Мне, пожалуй, пора, — сказал Эндрю.

— Да, да, конечно. — Священник разжал наконец пальцы.

Облегченно выдохнув — все-таки удалось вырваться, избежав продолжения допроса, — Эндрю зашагал по дорожке.

— Надеюсь, скоро увидимся! — крикнул вслед викарий.

Глава 2

За последние годы похороны подверглись нескольким попыткам ребрендинга — «Социальные похороны», «Муниципальные похороны», «Контрактные похороны», «Похороны по секции 46», — но ни одна из них не прижилась. Наткнувшись на выражение «Похороны неимущих», Эндрю счел его вполне подходящим, отдающим эхом прошлого и даже романтическим в каком-то диккенсовском духе. Он представил человека, жившего лет сто пятьдесят назад в какой-нибудь глухой деревушке — грязь да квохчущие куры, — павшего жертвой сифилиса, умершего в почтенном возрасте двадцати семи лет и сброшенного под всеобщее ликование в яму, дабы удобрить землю. То, что Эндрю довелось пережить на практике, произвело угнетающее впечатление чего-то совершенно бездушного. В наше время похороны по всему Соединенному Королевству стали правовой обязанностью местных органов власти в отношении тех, кто затерялся, ускольз-

нул от ока государства и чья смерть привлекла внимание лишь по причине запаха разлагающегося тела или неоплаченных счетов. В нескольких случаях выяснилось, что в банке у покойника осталось достаточно денег для оплаты коммунальных услуг в течение еще нескольких месяцев после смерти, а значит, дом обогревался и разложение ускорялось. После пятого такого тяжелого случая Эндрю подумал, что, может быть, проблема заслуживает упоминания в разделе «Другие замечания» ежегодной анкеты «Оценка удовлетворенности работой». Дело закончилось вопросом, можно ли купить еще один чайник на общую кухню.

Другая фраза, с которой Эндрю хорошо познакомился, звучала так: «Девятичасовая пробежка». Его босс, Кэмерон, объяснил ее происхождение, сердито срывая пленку с разогретого в микроволновке бирьяни¹.

— Если умираешь в одиночестве... — дерг, дерг, дерг, — то тебя, скорее всего, и похоронят соответственно, в девять утра, когда и поезд можно задержать... — тычок пальцем, — и шоссе заблокировать... — еще тычок, — и это никому не мешает.

Годом раньше Эндрю устроил двадцать пять таких похорон (его высший годовой показатель) и присутствовал на всех, хотя, строго говоря, не обязан был это делать. Маленький, но многозначительный жест, говорил он себе, адресованный тем, кто не был связан правовыми обязательствами.

Но чем больше Эндрю наблюдал за тем, как на специально отведенном участке опускают в землю — порой,

¹ Бирьяни, или бирияни — второе блюдо из риса (обычно сорта басмати) и специй с добавлением мяса, рыбы, яиц или овощей.

как в жутковатой игре «Тетрис», ставя один на другой три или даже четыре штуки, — незамысловатые гробы, тем чаще посещала мысль, что его присутствие ничего не значит и никому не нужно.

Сидя в автобусе по дороге в офис, Эндрю критически оглядел галстук и туфли, увы, знавшие лучшие дни. На галстук темнело пятно неизвестного происхождения, упрямо не желавшее ни перемещаться, ни уходить. Туфли, хотя и хорошо начищенные, уже выглядели поношенными. Слишком много царапинок от камешков на церковных дворах, слишком часто кожа натягивалась в тех местах, где Эндрю поджимал пальцы, слыша словесные спотыкания vicария. И туфли, и галстук придется заменить после ближайшей полочки.

Теперь, когда похороны закончились, Эндрю постарался сделать мысленную закладку на имени Джон и фамилии Стеррок (все это он вспомнил, когда включил телефон). Как всегда бывало в такие моменты, судьба покойника разбудила в нем любопытство, и Эндрю, как всегда, попытался не поддаться соблазну и не заняться расследованием обстоятельств, благодаря которым Джон оказался в столь незавидном положении. Неужели в его жизни действительно не было племянницы или крестника, с которыми он обменивался рождественскими открытками? Или школьного приятеля, который звонил ему пусть даже только на день рождения? Но этот склон был скользкий, Эндрю же надлежало оставаться по возможности объективным — ради себя самого и хотя бы для того только, чтобы сохранить крепость духа до следующего несчастного, который закончит похожим образом. Автобус остановился на перекрестке. К тому моменту, когда светофор переключо-

чился на зеленый, Эндрю все же заставил себя попроситься с Джоном.

В офисе он довольно сдержанно ответил на бодрое приветствие Кэмерона, хмуро кивнув в ответ.

Упав наконец в хорошо потертое кресло, успевшее за годы приспособиться к его формам, Эндрю испустил уже ставшее печально знакомым кряхтенье. С недавних пор, едва перевалив за сорок два года, он начал подумывать, что скоро, буквально через несколько лет, каждое физическое усилие, даже минимальное, станет сопровождаться теми или иными странными звуками. Возможно, таким вот ненавязчивым, деликатным образом природа напоминала, что теперь он официально приближается к среднему возрасту. Эндрю уже представлял, как в ближайшее время будет, едва проснувшись, начинать день со стенаний насчет того, какими легкими сделали школьные экзамены и как трудно купить кремовые чинос нужного размера.

Ожидая, пока загрузится компьютер, Эндрю краем глаза наблюдал за своим коллегой, Китом, который, разделавшись с шоколадным кексом, методично всасывал крошки глазури, прилипшие к его коротким, словно обрубленным пальцам.

— Как прошло? Хорошо? — поинтересовался Кит, не отрывая глаз от экрана, на котором, как уже знал Эндрю, либо выстроилась галерея актрис, имевших дерзость сделать уступку возрасту, либо что-то маленькое и мохнатое на скейте.

— Все нормально.

— Зеваки? — прозвучал голос у него за спиной.

Эндрю вздрогнул. Он и не заметил, как свое место за столом заняла Мередит.

— Нет, никого, — ответил Эндрю, не оборачиваясь. — Только мы с викарием. У него были первые похороны.